

И правда, как говорил Сюн Чжуаншань, стоило только упомянуть, что Тан Шоу снова придумал способ заработать и им потребуется помощь, как Чжан-апо тут же, без малейших раздумий согласилась. Настолько быстро, что даже на мгновение не задумалась.

Из-за того, что Тан Шоу любил подольше понежиться в постели, вставать раньше обычного не требовалось. Но раз Чжан-апо и пятая сестра ушли помогать, то дома стало не хватать рабочих рук: Сюн Тэ и Сюн Чжу не могли больше выходить в город продавать пироги, а оставались дома помогать.

Чжан-апо, взглянув на солнце — как раз наступил час Сы, — крикнула Сюн У-нян, и вдвоём они поспешно направились в дом Сюн Чжуаншаня.

Неожиданно оказалось, что Чжан-апо уже успела переделать всю работу по хозяйству, а Тан Шоу только недавно поднялся и сейчас как раз заканчивал готовить обед. В доме стоял густой аппетитный запах мяса, и пятая сестра, давно забывшая вкус мясной пищи, едва его вдохнула, почувствовала, как голод скрутил её так, что ей казалось — она и быка бы сейчас съела.

Она украдкой выглянула из-за спины Чжан-апо, чтобы посмотреть, что там готовят, — оказалось, лапшу. Только эта лапша совсем не была похожа на ту, что она когда-либо ела: суп был молочно-белого цвета, мясо не кусками, а нежным, не слишком мелким фаршем. Сверху было щедро посыпано зеленью, а в чашке её невестки к тому же красовалась ещё ложка острого соуса из кизила — ярко-красный, аппетитный, он так и манил одним своим видом.

Сюн У-нян изнывала от голода, изо всех сил вдыхая аромат, разносившийся по воздуху. Раз уж нельзя было поесть, оставалось хотя бы понюхать вволю, чтобы хоть как-то утолить желание.

Чжан-апо стояла прямо перед ней и, конечно, не могла не заметить всех её мелких проделок. Она резко обернулась и злобно уставилась на дочь.

- Паршивая обжора! Что, дома тебя не кормят, что ли? Стоит другим мясо на стол поставить — так ты аж глаза вытаращила, срамота какая!

Под этим свирепым взглядом пятая дочь втянула голову в плечи и опустила глаза, не осмеливаясь больше смотреть.

— Мама, может, дадим пятой сестре попробовать? — спросил Тан Шоу, заметив её страдальческое выражение лица.

Чжан-апо, решив, что Тан Шоу заметил её позор, мигом вспыхнула, вся покрывшись краской стыда. Она схватила пятую дочь за руку и потащила в гостевую комнату:

— Да ела она, уже ела! Вы тут спокойно кушайте, а мы с дочкой пойдём в комнату, подождём. Некуда торопиться.

Сюн У-нян, спотыкаясь, поплелась следом. Проходя мимо стола, она даже не осмелилась поднять глаза на еду.

Войдя в гостевую, Чжан-апо грубо толкнула её в сторону и приглушённо отчитала:

— Что, в доме у тебя еды нет? Чуть увидела у людей мясо — так сразу глаза на лоб! Это как я тебя учила, а?!

Пятая дочь съёжилась у стены, словно испуганный перепел, и не осмелилась проронить ни слова.

Такое поведение пятой дочери ещё сильнее раздражало Чжан-апо. Больше всего на свете она не выносила людей, которые везде ходят, сгорбившись и робко прячась. Но с другой стороны, её дом был беден до крайней степени: когда рождались младшие дочери, семья уже влачила жалкое существование, влезала в долги, чтобы не умереть с голоду. В такой нищете даже самые гордые дети рано или поздно учились прятать глаза от чужого презрения.

Думая об этом, Чжан-апо тяжело вздохнула. Что ж, не стоит винить ребёнка, виновата бедность. Смириться — вот что оставалось. Однако ей всё равно покоя не давал один вопрос: разве в такое время едят?!

Внутри она всё ещё испытывала недовольство, сдерживалась, сдерживалась — да в конце концов не выдержала и всё же пробормотала:

— Эрлан-фулан-то, видно, только недавно встал. Наверняка все дела по дому опять на А-Шане: сам-то максимум сварганил еду да прибрался. Вот уж не знаю — стать фуланом в доме и так беззастенчиво лениться? Когда я только вышла за твоего отца, на второй день сама вставала чуть свет, варила завтрак на всю семью, стирала одежду свекру со свекровью, а ещё за скотиной ухаживала...

Пятая дочь слушала эти нескончаемые причитания матери, но умом была уже где-то далеко. Чем больше мать ворчала, тем сильнее она завидовала второму брату и его супругу. Кто бы мог подумать, что её суровый брат окажется таким заботливым к своему фулану?

Она мечтательно подумала: если бы только ей тоже повезло найти мужа, который бы относился к ней так же нежно... Она не просила бы много — не нужно ей было роскоши или долгого сна до полудня. Лишь бы человек был ей дорог, а уж она сама всё сделает: дом будет сверкать чистотой, работа кипеть в её руках — и никакие заботы не отяготят его плечи. Только бы он был к ней добр.

Чжан-апо и Сюн У-нян пребывали каждая в своих мыслях, пока не услышали, как дверь в комнату распахнулась — это вошёл Тан Шоу. Обе сразу очнулись.

Чжан-апо мгновенно спрятала недовольство, подавила в себе все упрёки: семья второго сына особенная, в делах их дома она не смела вмешиваться. Даже если что-то было не по душе и сердце обливалось жалостью к сыну, вслух она могла только изредка поворчать, а показать открыто — нет.

— Эрлан-фулан, — заговорила она нетерпеливо, — ты говорил про какие-то стёганые башмаки на тысячу слоёв. Есть ли у тебя образец?

Тан Шоу спокойно ответил:

— Образца нет, но я знаю, как их шить. Я скажу, а вы с пятой сестрой делайте. Ничего страшного, если с первого раза не получится — со второго-то уж точно выйдет.

Чжан-апо фыркнула:

— Раз знаешь, тогда сделай один при нас. Уж мы с пятой дочкой рукодельем в деревне на первых местах, глядишь, и сразу освоим.

— Я не умею. — Тан Шоу произнёс это с таким спокойствием и уверенностью, будто было так и надо: — Я только знаю, как надо, а сам делать не умею.

— А? — Чжан-апо уставилась на него во все глаза. Не умеет шить обувь?! Какой же дом захочет взять такого фулана?

Сюн У-нян сперва тоже опешила, но быстро опустила ресницы, пряча в глазах удивление. В душе она подумала: "Как же ему повезло! Даже обувь шить не умеет!"

В этот момент в комнату вошёл Сюн Чжуаншань, держа в руках жаровню с углями. Увидев, как все уставились друг на друга круглыми глазами, он сразу догадался, в чём дело.

— Мама, пятая сестра, слушайте моего фулана: что он скажет, так и делайте. Мой супруг действительно не умеет шить обувь.

— А? Ах, ну хорошо, — поспешила ответить Чжан-апо. Раз уж сын сам так сказал, ей и в голову не пришло бы перечить, даже слова упрёка не посмела сказать.

Только тут она заметила, что Сюн Чжуаншань принёс раскалённую жаровню, и поспешно кинулась его останавливать:

— А-Шань, зачем ты её принёс? Уголь нынче на вес золота, не трать его зря!

Тан Шоу вмешался:

— Мама, жаровню надо обязательно разжечь. Без неё в доме так холодно, что руки заоченеют — как же тогда шить обувь?

Чжан-апо поспешила закивать:

— Без проблем, без проблем! Я всю жизнь иглой работаю, даже без жаровни всё справлялась.

Тан Шоу мягко, но твёрдо сказал:

— Мама, послушайте меня. Теперь в доме хватает денег, не стоит экономить на таком. К тому же это не просто для себя шитьё — мы собираемся продавать эти ботинки в столице, причём богатым домам. А у столичных барышень и молодых господ свои замашки: тепло для них не главное, главное — чтобы красиво! Так что ваши руки не должны мёрзнуть, иначе как можно сделать вещь красивой?

— Для маленьких господ и барышень из столицы, значит, — протянула Чжан-апо, сразу перестав возражать. Такое дело — совсем другой разговор. — Ладно, эрлан-фулан, расскажи, как делать.

— Конечно, — кивнул Тан Шоу. — Сначала нам нужно подготовить основу для подошвы. Это называется «чжи гэбэй». Берём куски ткани, слой за слоем склеиваем их между собой до нужной толщины, примерно вот такой, — он показал пальцами, — а потом сушим, чтобы получился плотный матерчатый щит.

— После этого из гэбэя вырезаем заготовки для подошв и обшиваем каждую по краю полоской ткани. Как только края будут обработаны, склеиваем несколько слоёв вместе.

— А потом? — нетерпеливо спросила Чжан-апо.

— Дальше начинается самое важное — обметка подошвы. Этот этап определяет не только прочность обуви, но и её внешний вид, так что относиться к нему надо особенно серьёзно.

Чжан-апо и Сюн У-нян дружно закивали:

— Поняли!

Тан Шоу продолжил:

— Обметка подошвы — это прошивка края, стягивая слои пеньковой нитью. Нужно шить

плотно и часто. После обметки начинается «на ди» — основная прошивка. Тут вы, мама и пятая сестра, конечно, мастерицы, но я всё же напому: на каждый квадратный цунь подошвы должно приходиться не меньше восьмидесяти одной стежка. Нить толстая, проколы мелкие, шить надо туго, а стежки должны ложиться ровно и равномерно.

— Так густо? — удивилась Чжан-апо.

— Да, именно так, — серьёзно кивнул Тан Шоу. — Подошва будет очень плотной, шить трудно. После изготовления одной пары обуви руки будут натёрты до красноты.

— Ничего страшного, мы этого не боимся.

Тан Шоу кивнул:

— И наконец, последний этап — выколачивание подошвы. Готовую, прошитую подошву нужно замочить в горячей воде, потом слегка пропарить и отбить молотком, чтобы она стала плотной и ровной. Только обязательно работать через шаблон, чтобы не исказить форму. — На самом деле это был процесс окончательной формовки подошвы.

Чжан-апо, имевшая опыт в шитье обуви, поняла всё с полуслова. Остальное — дело практики: несколько пар набить руку, и дело пойдёт.

— Я поняла. Начинаем прямо сейчас?

— Конечно. Все материалы я уже подготовил.

Чжан-апо поднялась, пошла за припасёнными материалами, передала часть Сюн У-нян, и обе сели у жаровни, с головой погружённые в работу.

А Тан Шоу тем временем направился на кухню варить клейстер. Он вспомнил, как в детстве его мама готовила такой — просто подогрела немного муки с водой, пока масса не стала липкой. В детстве им клеили новогодние надписи на ворота.

Был ли в этом мире подобный клейстер, Тан Шоу не знал, но догадывался: скорее всего, нет. Здесь мука была на вес золота — её и на еду-то едва хватало, а чтобы тратить на клей... немисливо. Но для изготовления тысячеслойных подошв такой клейстер был необходим. Почему именно он — Тан Шоу объяснить не мог. Когда-то, читая книгу, он видел подробное объяснение, но тогда не придавал этому значения — думал, что ему это никогда не пригодится. Кто бы мог подумать, что однажды ему, выросшему в эпоху высоких технологий, придётся сидеть у печи и варить клей для собственноручного шитья обуви. Поэтому Тан Шоу и не стал выдумывать замену: вдруг что-то пойдёт не так — тогда убытков будет больше, чем пользы.

На самом деле такие ботинки на тысячеслойной подошве впервые появились ещё в эпоху Хань,

но по неизвестным причинам долго не получили широкого распространения, и только к эпохе Цин достигли своего расцвета, продолжая существовать вплоть до поздних времён.

Он принёс в комнату тёплый клейстер, и Чжан-апо сразу узнала, из чего он сделан, её лицо слегка изменилось, но она быстро взяла себя в руки. Что до Сюн У-нян, та вообще не осмеливалась лишней раз взглянуть на него — слишком уж аппетитно пахло, хотелось попробовать.

В комнате Тан Шоу оказался лишним, да и сам он считал, что мужчине среди двух женщин оставаться как-то неудобно, поэтому повернулся и ушёл в свою комнату, решив через какое-то время вернуться и посмотреть, не нужна ли помощь.

Когда Чжан-апо принялась делать подошвы, возникла загвоздка: она не знала, на какой размер ориентироваться.

— Тогда давайте сначала сделаем по размеру мужа, у него ведь ещё нет тёплых ботинок, — предложил Тан Шоу.

— Хорошо, — обрадовалась Чжан-апо, сразу согласившись. Тан Шоу подумал о её сыне — это сразу согрело ей душу, и недовольство его "расточительством" тоже быстро улеглось.

Говорить о пошиве обуви легко, но взяться за дело оказалось куда сложнее: особенно с такими многослойными подошвами — возни было не в пример больше. Даже у таких опытных рукодельниц, как Чжан-апо и Сюн У-нян, на изготовление пары ушло целых четыре дня.

Первая готовая пара оказалась обычными хлопчатобумажными башмаками, верх был утеплён ватой — Чжан-апо, делая их для собственного сына, не поскупилась и набила плотнее.

— А-Шань, скорее примерь, удобно ли? — сказала она.

Сюн Чжуаншань снял обувь и, надев ботинки с тысячеслойной подошвой, сразу отказался их снимать — обул обе ноги, прошёлся туда-сюда по комнате, пару раз притопнул.

— В самый раз, тепло, — сказал он.

Тан Шоу ещё раньше, когда Сюн Чжуаншань на ночь распаривал ноги, заметил, что на его ступнях были серьёзные обморожения. Даже при всей крепости тела в такую стужу работать снаружи — не шутка, вот и отморозил ноги. Тогда он уже задумал сделать для него пару тёплых ботинок, чтобы вылечить обморожение раз и навсегда.

Тан Шоу удовлетворённо кивнул, настроение у него было отличным — он радовался даже больше, чем тогда, когда впервые в этом мире сам надел ватные ботинки.

Он сказал:

— Муж, примерь ещё ту пару, что пятой сестры — посмотри, подойдут ли?

Шаги Сюн Чжуаншаня тут же остановились. Он пристально уставился на Тан Шоу.

Оказалось, что и вторая пара тоже была сшита для него. Раньше Сюн Чжуаншань вовсе не участвовал в изготовлении обуви с тысячеслойной подошвой — он в этом ничего не понимал и совсем не вникал. Когда у него попросили снять мерки, он подумал, что мать и младшая сестра шьют по паре для него и для его супруга, поэтому даже не стал уточнять. И вот теперь оказалось, что обе пары предназначались ему.

Сюн Чжуаншань ощутил, как у него перехватило горло. Его маленький супруг всё-таки очень заботился о нём — всё хорошее, как и самого себя, он хотел первым делом отдать ему.

На ногах ботинки с тысячеслойной подошвой теперь казались ещё теплее, чем вначале.

<http://bllate.org/book/13592/1205362>